

Д. И. Сапожниковъ.

**ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ
РУКОПИСИ
А. С. ПУШКИНА.**

СИМБИРСКЪ.

Губернская Типографія.

1899.

Дозволено цензурою Г. Москва. Марта 17 дня 1899 года

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ

А. С. ПУШКИНА.

Въ іюль 1897 года, пишуцій эти строки, вмѣстѣ съ другими членами Симбирской Архивной Коммисіи, посѣтилъ усадьбу П. В. Анненкова, при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда, въ 55 верстахъ отъ г. Симбирска. Въ настоящее время это имѣніе принадлежитъ вдовѣ покойнаго, Глафирѣ Александровнѣ Анненковой, проживающей постоянно внѣ предѣловъ Россіи (у дочери, вышедшей замужъ за полковника германской арміи). Усадьба Анненкова окружена большимъ тѣнистымъ запущеннымъ садомъ, гдѣ находится двухъ-этажная бесѣдка, въ которой, по мѣстному преданію, жилъ Гоголь, когда онъ гостилъ въ Чириковѣ у Анненкова. Въ саду же есть полянка, на которой поставлена деревянная пирамидальная часовня, съ рѣзнымъ изображеніемъ изъ дерева Христа въ темницѣ во весь ростъ. Часовня эта поставлена на мѣстѣ прежней Знаменской церкви, гдѣ и находилось это изображеніе. Въ полутора верстахъ отъ с. Чирикова расположена прекрасная дубовая роща, а въ ней довольно большая и высокая насыпь, называемая „Марьинъ бугоръ“; и самая роща называется „Марьина,“ потому что въ прошломъ столѣтіи въ этой рощѣ, близъ бугра, была убита двумя своими крѣпостными людьми мѣстная помѣщица Марья Михайловна Анненкова, прабабка Павла Васильевича; въ память ея недалеко отъ бугра была поставлена въ рощѣ небольшая часовенка, которая теперь почти уже развалилась.

Марьинъ бугоръ имѣетъ происхожденіе историческое и можно полагать что этотъ бугоръ представляетъ собою остатки прежней „киремети“ въ священной рощѣ Чувашь-идолопоклонниковъ; недалеко отъ этой мѣстности и до настоящаго времени существуютъ чувашскія селенія, Верхнія, Среднія

и Нижнія Тимеряны, а по народному преданію вся нынѣшняя Тимерянская волость и большая часть Ново-Никулинской волости составляли, лѣтъ 500 тому назадъ, особое царство Чувашскаго князя Кучума; его столица была въ городкѣ, остатки котораго и нынѣ сохранились близъ деревни Герасимовки, Ново-Никулинской волости. Марьянъ бугоръ окруженъ дубами, посаженными Анненковымъ и Гоголемъ, который очень любилъ эту рошу, въ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову напоминалъ о ней и просилъ ея не рубить.

Въ старомъ, опустѣвшемъ барскомъ домѣ до сихъ поръ сохранилась довольно большая библіотека, и въ ней имѣется копія со слѣдственнаго дѣла Симбирской Провинціальной Канцеляріи объ убійствѣ М. М. Анненковой. Кабинетъ покойнаго переполненъ періодическими изданіями за прежніе годы, размѣщенными по полкамъ. Здѣсь можно найти полныя экземпляры „Современника“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Русской Бесѣды“ и др. прежнихъ журналовъ за всѣ годы ихъ существованія, а также „Русскаго Вѣстника“, съ приложеніями, „Вѣстника Европы“ и др. Въ кабинетѣ же хранится прекрасный бюстъ Бѣлинскаго, его посмертная маска и маска Пушкина. Въ письменномъ столѣ, среди разныхъ рукописныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ первымъ годамъ существованія села Чирикова (XVII и XVIII столѣтіямъ), было найдено рѣдкое и дорогое изданіе „Россійскій Гербовникъ“ въ 4 томахъ. Въ соседней комнатѣ помѣщаются три книжныхъ шкафа, одинъ друго интереснѣе: въ первомъ масса произведеній различныхъ авторовъ, исключительно историческаго содержанія; тутъ же на нижнихъ полкахъ, въ два ряда, собраны полныя собранія сочиненій русскихъ классиковъ; въ этомъ шкафу хранится и первое Анненковское изданіе полного собранія сочиненій Пушкина, въ дсрогомъ переплетѣ, съ золоченымъ обрѣзомъ. Во второмъ шкафу помѣщаются разныя серьезныя произведенія иностранныхъ авторовъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, касающіяся исторіи Россіи, начиная съ Екатерины Первой, а также и по исторіи Французской революціи. Третій шкафъ, хотя и небольшихъ размѣровъ, но представляетъ большой интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ Русскія заграничныя изданія. Въ столовой комнатѣ находится нѣсколько большихъ шкафовъ, переполненныхъ всевозможными французскими иллюстрированными изданіями, исключительно порнографическаго содержанія. Кромѣ того, въ отдѣльномъ сараѣ, на дворѣ, сложены въ кучу различныя изданія, преи-

мушественно прошлаго столѣтія, а также старинные журналы, календари и томы Свода Законовъ, изъ которыхъ управляющій имѣніемъ Анненкова пожертвовалъ, съ разрѣшенія собственницы, въ бібліотеку Симбирской Ученой Архивной Комиссіи вмѣстѣ съ портретомъ Павла Васильевича Анненкова, болѣе пятидесяти экземпляровъ разныхъ книгъ.

Здѣсь-то, въ сараѣ, среди запlesenнѣвшихъ и отчасти даже полусгнившихъ книгъ, я нашелъ рукописи А. С. Пушкина. Это семь блѣдно-синихъ, толстыхъ листовъ бумаги, въ четвертку каждый, съ отрывками изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ Лицеѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не позднѣе, какъ 1815 года. Отрывки эти сохранились совершенно случайно, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ предалъ сожженію всѣ свои лицейскія записки. Кромѣ этихъ рукописей, найдено еще нѣсколько другихъ записокъ за другіе годы.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій поэта первую, по времени, автографическою запискою считается планъ его автографіи. Но планъ этотъ составленъ не въ первыхъ годахъ пребыванія его въ Лицеѣ, а гораздо позднѣе; въ началѣ этой записки онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, а въ концѣ касается 1815 года, упоминая о своемъ тѣснѣствѣ*); замѣтить же за собою такіе недостатки, одновременно съ проявленіями ихъ, онъ конечно, не могъ; поэтому мы полагаемъ, что такой проектъ предполагаемаго разсказа о самомъ себѣ набросанъ Пушкинымъ уже въ пору его извѣстности на поприщѣ литературы, когда мышленіе, убѣжденія и самосознаніе достигли зрѣлости.

Найденныя нами записки Пушкина начинаются съ отрывка изъ разсказа о докладѣ адъютанта Давыдова генералу Багратиону и кончаются критической замѣткой о литературной дѣятельности комика князя Шаховскаго.

Кромѣ того найдены рукописи: „Замѣчанія на Анналы Тацита,“ элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ и „Замѣтка о холерѣ.“

Рукописи эти, въ числѣ другихъ, хранились у самого поэта до дня его смерти**). Какъ извѣстно, 28 Января 1837 г., когда Пушкинъ ле-

*) Соч. А. С. Пушкина, изд.-общ. для пособ. нужд. лит. и учен., т. V, стр. 1: „Отрывки изъ Лицейскихъ записокъ.“ Всѣ ссылки сдѣланы у насъ на это изданіе.

**) Всѣ произведенія поэта, впервые появившіяся въ печати послѣ смерти его, хранятся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ С.-Петербургѣ, а рукописи, тоже оставшіяся послѣ смерти Пушкина и вошедшія въ опись вмѣстѣ съ его имуществомъ, пожертвованы старшимъ сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ въ Московскій Румянцовскій Музей въ 1880 году, во время открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ же Музее хранятся теперь и рукописи, найденныя мною, жаквыми А. А. Пушкинымъ пожертвованы этому музею.

жалъ на смертномъ одрѣ и приближалась роковая минута, Императоръ Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ Жуковского и сказалъ: „Тебѣ поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты тамъ ихъ самъ разберешь.“ Приказаніе Государя было исполнено чрезъ $\frac{3}{4}$ часа по кончинѣ Пушкина. Жуковскій приложилъ печати къ дверямъ кабинета покойнаго. Но этого оказалось недостаточнымъ; всѣ рукописи Пушкина прошнурованы были, съ пропусками, по листамъ полуграмотнымъ писцомъ, по порученію опекуновъ, черными цифрами наверху листовъ и жандармскою властію красными цифрами посреди листовъ*). Такъ помѣчены и найденныя нами рукописи. Всѣ бумаги Пушкина, вошедшія въ опись, перебивали въ рукахъ многихъ лицъ; попали они и къ Анненкову, у котораго пролежали подъ спудомъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, по изданіи сочиненій Пушкина, были возвращены имъ по принадлежности; только часть ихъ, именно найденныя нами, почему-то остались у Анненкова.

При сличеніи ихъ съ изданіями сочиненій Пушкина, мы нашли въ послѣднихъ пропуски не только цѣлыхъ строкъ, но даже страницъ. Начало этихъ ошибокъ пошло отъ П. В. Анненкова. Послѣдующіе же издатели, не имѣя въ рукахъ оригинала, перепечатывали то, что было помѣщено изъ этихъ записокъ Анненковымъ. Притомъ въ печати эти отрывки помечены**) и расположены не въ должномъ порядкѣ. Всѣ неточности и пробѣлы укажемъ въ ссылкахъ.

Мы будемъ придерживаться правописанія поэта, отличавшагося по этой части самобытностію, что замѣтно при сличеніи изданныхъ сочиненій Пушкина съ газетами, журналами и альманахами, куда онъ посылалъ свои произведенія, а также и съ его рукописями. Такія орфографическія особенности заслуживаютъ вниманія, какъ образцы грамматическихъ колебаній нашего языка, имѣющія значеніе въ историческомъ развитіи нашей грамматики, до сихъ поръ не установившейся.

Да не будутъ поставлены мнѣ въ упрекъ нѣкоторые пробѣлы, такъ какъ всѣхъ книгъ, нужныхъ для справокъ о литературной дѣятельности Пушкина и о посмертной исторіи рукописей, у насъ въ Симбирскѣ не

*) Русская Старина 1884 г. № 2—12. „Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Москв. Румянцевскомъ Музеѣ.“ Статья В. Е. Якушкина.

**) А именно: „8 ноября“ „10 декабря“ и „19“ (?), между тѣмъ слѣдуетъ читать: „28 ноября“. „29“ (ноября), „10 декабря“ и „17“ (декабря).

имѣется. Полукруглыя скобки () обозначаютъ у меня слова и буквы зачеркнутыя Пушкинымъ, а скобки прямоугольныя [] обозначаютъ слоги и буквы недописанныя или пропущенныя имъ, если же слова поставлены въ скобкахъ съ боковыми тире — () —, то значить и онъ поставилъ ихъ въ скобки. Слова и строки напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ, что онѣ были подчеркнуты Пушкинымъ; слова же и строки, не попавшія въ изданія сочиненій Пушкина, внесены въ статью мою шрифтомъ съ разбивкою или курсивомъ.

I.

На первомъ листѣ записокъ находимъ продолженіе анекдота, который былъ впоследствии рассказанъ Пушкинымъ нѣсколько въ иномъ видѣ¹⁾

.... Большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и²⁾ вовсе былъ безъ носу. Д³⁾ является къ Б - ену⁴⁾. Князь Б... онъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...

На *какомъ*⁵⁾ носу Д. Б? отвѣчаетъ генераль. Ежели на-вашемъ, *такъ*⁶⁾ онъ ужъ близко, если же на носу князя Б - она, то мы успѣемъ еще отобѣдать...

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія⁷⁾.

Послѣднія строки свидѣтельствуютъ, что уже въ 1815 г. Жуковскій видѣлъ въ Пушкинѣ знаменитаго впоследствии поэта и въ знакъ поощренія подарилъ изданіе ему своихъ стихотвореній. Кроме того извѣстно, что онъ, часто бывая въ Царскомъ Селѣ, освѣдомлялся объ успѣхахъ Пушкина въ Лицеѣ, отдавалъ ему для оцѣнки свои стихотворенія, а въ впоследствии даже подарилъ портретъ съ надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя.“ Самъ Карамзинъ, принимая у себя въ кабинетѣ Пушкина, прочитывалъ ему страницы своего труда и со вниманіемъ выслушивалъ сужденія молодого писателя.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, V, 271.

²⁾ Въ печати „и“ нѣтъ.

³⁾ Давыдовъ Денисъ Васильевичъ. Соч. Пушкина, V, 211 и 271.

⁴⁾ Беннгсенъ и Багратионъ. Тамъ же V, 2 и 271.

⁵⁾ Въ печати „На чьемъ.“

⁶⁾ Въ печати „то онъ“

⁷⁾ Тамъ же. V, 2.

Далѣ записка Пушкина, помѣченная 28 Ноября (а не 8-го), говорить о томъ, что извѣстнаго драматурга кн. Александра Александровича Шаховскаго увѣнчали „лавровымъ вѣнкомъ“ А. С. Шишкова, впоследствии президента Россійской Академіи, и поэтесса Анна Петровна Бунина¹⁾, а ниже написана пьеса подъ названіемъ „Вѣнчанье Шутовскаго“.

Вотъ какъ читается подлинникъ²⁾:

28 Ноября.

Ш...овъ и г-жа Б...ва увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ: *Вѣнчанье Шутовскаго*.

—(*Гимнъ на голоса: de Buhamel*) --

Вчера въ торжественномъ вѣнчаньи (собраньи)

Творца *затѣй*,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей,
И всѣ въ одинъ кричали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдъ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
[Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!] Хвала и пр.].
Хвала Герой!
Хвала Герой!

Всей братъи далъ свои онъ шубы
И всѣ дрожатъ!
Его величіе, не трубы—
Свистки гласятъ
Онъ мнѣ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

¹⁾ А. П. Бунина (1774—1829 гг.), членъ „Бесѣды Любителей Россійской Словеености“. Собраніе стихотвореній ея вышло въ С.-Петербургѣ, 1819—1821 гг., въ 3 ч.

²⁾ 1, 2 и начало 3 листа найденной рукописи. Стихотвореніе „Гимнъ на голоса: de Buhamel“ въ печать не вошло, за исключеніемъ первыхъ 14 строкъ, которыя похвѣнены у П. В. Анненкова. „А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи“ Спб. 1872. стр. 20.

И вотъ подъ сѣнью обвѣтшалою
 Старикъ сѣдой!
 Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
 Псалтырь въ десной,
 Кругомъ поэтовъ блѣдной строй
 Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой! (о Шутовской)
 О дѣлъ сѣдой (bis)
 Хвала Герой!
 Хвала Греой!

*

И вдругъ раздался за дверями
 И скрипъ и вой—
 Идутъ сотрудники съ гудками
 И самъ Герой!
 Поэтъ онъ гимнъ вѣнчальный свой.
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала Герой!
 Хвала Герой!

*

„Я князь, поэтъ, Директоръ, воинъ
 Вездѣ великъ,
 „Вѣнца лавроваго достоинъ
 „Мой тучный ликъ.
 „Вѣнчая пойте всей толпой:
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!,
 Хвала Герой!
 Хвала Герой!
 „Писалъ я на друзей пасквили
 „И на Отца,
 „Поэмы, тощи водевили,
 „Имъ нѣтъ конца.
 „И воды я пишу водой
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской,
 Тебѣ Герой!
 Тебѣ Герой!

*

„Еврей мой написалъ Дебору,
 „А я списалъ,
 „Въ моихъ твореньяхъ много сору,
 „Кто жъ ихъ читалъ.
 „Доволенъ право я собой.
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской
 „Хвала Герой!
 Хвала Герой!

*

Потомъ къ Макару и Ежевой
 Герой бѣжитъ.

Вотъ орденъ мой—вѣнокъ лавровый,
 Пустьъ буду бить.
 За то увѣнчанъ красотой!
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской.
 Хвала Герой!
 Хвала Герой!“*)

Кромѣ сѣдого старца А. С. Шишкова (по предложенію котораго впоследствии а именно 3 Декабря 1832 года, Пушкинъ былъ единогласно избранъ членомъ Россійской Академіи). тутъ осмѣиваются графъ Д. И. Хвостовъ, князь П. А. Шихматовъ (Ширинскій) и С. С. Вобровъ, создатели „твореній громкихъ, Риёматовъ, Графовъ и тяжелый Вибрусъ“¹⁾, Ешева-тогдашняя Петербургская актриса.

Анненковъ, признавая такую сатиру слабоватой, не помѣстилъ ея въ своихъ „Матеріалахъ“, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ. Она указываетъ на комедіи кн. Шаховскаго подъ названіями: „Новый Стерня“ и „Липецкія воды“, бывшія пародіями на баллады Жуковскаго и сентиментальность Карамзина, упоминаетъ о комедіи „Шубы“ и задѣваетъ вскользь еще другія произведенія. „Эпитетомъ же записного гонителя талантовъ“ награжденъ здѣсь кн. Шаховской не только за указанія нами его комедіи,

*) Подъ буквами NN напечатаны въ Сынѣ Отечества 1815 г. №№ 40 и 45 слѣдующія эпиграммы на князя Шаховскаго:

Тирамма.

Нашъ комикъ Шутовской хоть любить уязвить,
 Но осторожности своей не измѣняетъ:
 Умѣетъ онъ всегда сначала усыпить,
 Да послѣ соннаге ужъ смѣло и ругаетъ.

N. N.

Отъ Аполлона:

На замѣчанье Фебъ даетъ,
 Что отъ какихъ-то водъ
 Парнасскій весь народъ
 Шумить, кричитъ и дѣло забываетъ.
 И потому онъ объявляетъ,
 Что толки всѣ о *Липецкихъ водахъ*
 (Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ)
 Написаны и преданы тисненью
 Не по его внушенію.

N. N.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина. Т. I. „Къ другу стихотворцу, „Бова.“.

но вѣроятно и за предполагаемое недоброжелательство его къ успѣхамъ извѣстнаго драматурга тѣхъ годовъ Владислава Александровича Озерова¹⁾. Такой взглядъ на Шаховскаго былъ у Пушкина слѣдствіемъ вліянія на него его кружка; но онъ же первый и опустилъ оружіе, какъ скоро ознакомился съ понятіями князя Шаховскаго, о чемъ скажемъ ниже.

Послѣ приведенной нами сатиры читаемъ о восторженномъ чувствѣ Пушкина къ сестрѣ его товарища²⁾ по Лицею К. П. Бакуниной³⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя Пушкинъ, вспоминая о Бакуниной, писалъ:

...Она внушала первый сонъ,
И мысль объ ней одушевляла
Безвѣстной лиры первый звонъ.

Найденный же нами подлинникъ говорить:

29 [Ноября].

Итакъ я щастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихой, восторгомъ упивался..
И гдѣ веселья быстрый день
Промчался летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я щастливъ былъ!.. нѣтъ я вчера не былъ щастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подь окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ее не видно было! наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ печаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣтвицѣ, сладкая минута!..

Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

¹⁾ Хотя по словамъ кн. П. А. Вяземскаго Пушкинъ Озерова не любилъ, не видѣлъ въ немъ никакого дарованія и никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ.

²⁾ Александръ Петровичъ Бакунинъ, бывшій офицеръ гвардіи, умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

³⁾ Къ ней относятся стихотворенія Т. I стр. 94. „Къ живописцу“, стр. 142 „Разлука“, стр. 148 „Слезы“ и 180 „К. П. Бакуниной“.

Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Б(акуниной)!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ—ахъ!

Какое положенье, какая мука ¹⁾. Но я былъ щастливъ 5 минутъ» ²⁾.

Подъ послѣдней строкой мы находимъ интересную замѣтку ³⁾ Пушкина, помѣченную 10 декабря, о его романѣ „Фатама“ и о намѣреніи написать „ироческую поэму“ Игорь и Ольга; но вмѣсто нихъ онъ выпустилъ эпиграмму на А. А Шаховскаго, П. А. Шихматова (Ширинскаго) и А. С. Шишкова:

10 Декабря.

Вчера написалъ я третью главу, *Фатама или разумъ чело-вѣческаго*: Право естественное ⁴⁾. Читалъ ее С. С и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ *Жизнь Вольтера*.

Началъ я комедію—не знаю кончу ли ее.

Тетягю дня хотѣлъ я начать ⁵⁾ ироческую поэму: Игорь и Ольга ⁶⁾ а написалъ эпиграмму на Шах, Шиш—м; и Шишк;—вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть цѣвцовъ,
 Шихм, Шах, Шиш—овъ,
 Уму есть тройка супостатовъ,
 Шиш... нашъ Шах, Шихм—атовъ
 Но кто глупѣй изъ тройки злой?
 Шиш, Шихм, Шах—ой!

Не только ранѣ, но и въ этой замѣткѣ Пушкина ясно проглядываетъ стремленіе его къ литературной дѣятельности. „Нѣкоторые его товарищи“, говоритъ Анненковъ, „еще помнятъ содержаніе романа Фатама, на-

¹⁾ Эти двѣ строки въ печать не вошли.

²⁾ Соч. Пушкина V, 3.

³⁾ На оборотѣ 3-го листа найденной рукописи помѣчено 10 Декабря.

⁴⁾ Въ изданияхъ же сочиненій Пушкина написано: „Разумъ челоѣческой, читалъ ее С. С.“.

⁵⁾ Въ печати: „написать“.

⁶⁾ Соч. Пушк. V, 2.

писаннаго по образцу сказокъ Вольтера. Дѣло шло о двухъ старикахъ, молившихъ небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Добрая фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ который въ самый день рсждения достигнетъ возмужалости, и вслѣдъ за тѣмъ почестей, богатства и славы. Старики радуются; но фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядоѳъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и нисходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ гѣмъ года юности, отрочества и младенчества до тѣхъ поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребенкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натурального хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему¹⁾.

О начатой Пушкинымъ комедіи (?) и поэмѣ „Фатама“ никакихъ слѣдовъ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина не осталось, такъ какъ эти произведенія, по словамъ Анненкова же, Пушкинымъ были уничтожены.

Послѣ не вошедшей въ печать эпиграммы на Шаховскаго, Шихматова и Шишкова, слѣдуетъ „Картина Царскаго Села“, которая могла бы служить продолженіемъ пьесы „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“.

Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*.

- 1) Картина сада.
- 2) Дворецъ — *День въ Ц. С.*
- 3) Утреннее гулянье.
- 4) Полуденное гулянье.
- 5) Вечернее гулянье.
- 6) *Жители Царскаго Села*.

Вотъ главные предметы всеневныхъ моихъ записокъ²⁾. Но это еще *будущее*³⁾.

Ниже этой программы идутъ одинъ за другимъ куплеты⁴⁾ ученика съ

1) П. В. Анненковъ „А. С. Пушкина. Мат. для его биографіи“, стр. 22.

2) Въ печати „занятій“.

3) Соч. Пушкина, V, 2. Что подъ этими строками разумѣлъ Пушкинъ? Если здѣсь онъ говоритъ о „Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ“, произведшихъ много шуму въ Петербургѣ, то приведенныя нами записки Пушкина должны быть отнесены къ 1814 г., такъ какъ это стихотвореніе читалось въ Лицеѣ на экзаменахъ 4 Января 1815 г., но такое предположеніе опровергается другой запиской Пушкина „Мои мысли о Шаховскомъ“, гдѣ Пушкинъ говоритъ о „Липецкихъ водахъ“, о которыхъ появилась критика въ „Сынѣ Отечества“ въ Ноябрь 1815 г.

4) За исключеніемъ 12 строкъ. См. А. С. Пушкинъ, Мат. П. В. Анненковъ, стр. 23.

любимыми словами товарищей, окружавших Пушкина“. Но, говорить Анненковъ, въ печать они не вошли¹⁾, такъ какъ значеніе и соль этихъ куплетовъ совершенно пропали“; однако они любопытны, какъ обрисовывающіе картинку изъ школьной жизни Пушкина въ кругу товарищей, среди которыхъ онъ вращался.

Вчера не тушили свѣчекъ за то пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу.—Запишу сколько могу упомнить:

На Георг[іевскаго]

Предположивъ - и дальше

На грацію намекъ

Нусъ — Августинъ богословъ { Или. Надъ печкою Богословъ
Профессора Вутервекъ { А въ печкѣ Вутервекъ.

Потомъ Ніобы группа

Корреджіевъ тьма — свѣтъ.

Прелестна Граціозность

И щастливъ онъ поэтъ.

На Кайд[анова].

Потише животины!

Да долголь говорю?

Потише — Бомгольмъ, Борнгольмъ,

Еще разъ повторю.

На Карц[ева.]

Какіе жъ вы лѣнивцы

Ну на кого напасть?

Да нутека Вольховскій,

Вы ересь понесли.

А что читаетъ Пушкинъ?

Подайтека сюды!

Стунай изъ класса съ Богомъ,

Назадъ не приходи.

А слышали ль вы новость?

Нашъ докторъ сталь лѣнивъ или ревнивъ

¹⁾ На 4-мъ листѣ найденной рукописи, съ переносомъ на 5-ю.

Драгуна посылаетъ { и Графъ послалъ
 Что бѣ отпереть жену { драгуна.

А Камаражъ взбѣсился,
 Романа обокралъ
 А Фридебургъ свалился
 А Графъ захохоталъ.
 Нашъ Докторъ хромоглазой
 Въ банкъ выигралъ вчера
 А слѣдственно гоняетъ
 Онъ лошадей съ утра.

На Шумахера.

Скажите мнѣ шатицы
 Какъ на примѣръ: wenn so
 Geweniger und desto
 Die Sonne cheint also.

На Гакена.

Мольшаты! я самъ фидала
 Мальшаты! я Гуфернеръ.
 Мольшаты!—ты самъ софрала,
 Пошалуюсь теперъ.

На Вла[диславова].

Матвѣюшка! дай соли,
 Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ нѣтъ).
 Служилъ я Государю
 Одиннадцать ужъ лѣтъ.

На Лав.

Bonjour Messieurs—потише!
 Поводѣемъ не играй!
 Ужъ я тебя потѣшу
 Aquand! Equitation

На Ви[льма]

Лишь для безумцевъ, Зульма,
 Вино запрещено,
 А Вильмужкѣ поэту { А не даны поэту
 Стихи писать грѣшно { Ни геній, ни вино.

На Заб. и Петр.
 Какой столичный городъ
 Желательно бы знать?
 А что такое воротъ
 Извольте мнѣ сказать?

На Ик[онникова].
 Скажите: разъ, два, три,
 Тутъ скажутъ все скоты:
 Да гдѣ жъ ее взрасти?
 Да на святой Руси!

На Кун[ицына].
 Извѣстенъ третій способъ
 Черезъ окупщиковъ
 Въ семь случаѣ помѣщикъ
 Владѣлецъ лишь земли.

Послѣ этихъ куплетовъ мы видимъ передъ собою первый опытъ Пушкина обрисовать характеръ.

17 [Декабря].

Вчера провелъ я вечеръ съ Ик[онниковымъ].

Хотите-ли*) видѣть страшнаго человѣка, чудака, — посмотрите на Ик. — поступки его — поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату; видите высокаго худого человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей окутанной черномъ изорванномъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаегъ табакъ изъ коробочки, — онъ дико смотритъ на васъ — вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ — онъ васъ не узнаетъ — вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушеннымъ голосомъ, кланяется, — садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ — переднимъ нимъ карафинъ воды, онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ наливаетъ другой, третій, четвертый, — спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говорить о своемъ бѣдномъ

*) Въ печати „Вы“.

положеніи—онъ не имѣеть ни денегъ, ни мѣста, ни покровитель-ства—ходить пѣшкомъ изъ П[етербурга] въ Ц[арское] с[ело], что бы освѣдомиться о какомъ то мѣстѣ, которое обѣщаль ему какой то шарлатанъ—онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ—разсыпается въ благо-дареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблаго-даренъ и даже сердится за благодареніе ему оказанное—легко-мысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолю-бивъ—Ик. имѣеть дарованья, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію; вы читаете ему свою пьесу—наотрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко—зато за самыя посредствен-ныя стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ Геніемъ—иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимъ—его любятъ иногда смѣшить онъ часто, а жалокъ почти всегда¹⁾.

Послѣдняя лицейская записка Пушкина за 1815 г. представляетъ со-бою критическую замѣтку о сочиненіяхъ князя Шаховскаго ²⁾. Большая часть ея въ печать не вошла:

Мои мысли о Шаховскомъ.

Шах—никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ.—Шах—не имѣеть большова вкуса онъ худой писатель—Чтожь онъ такой?³⁾ не глупой человекъ,—который замѣчая все смѣшное и замысловатое въ обществахъ (другихъ) пришедъ домой все записываетъ и потомъ какъ ни по-пало вклеивать въ свои комедіи⁴⁾.

Онъ написалъ *Новаго Стерна* холодный пасквиль на Карамзина.

Онъ написалъ водевиль *Ломоносовъ*: представилъ отца русской поэзіи въ кабацкѣ, и заставилъ его

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, V, 3—4. Здѣсь встрѣчается вопросъ, который рѣшать не беремъ: найденныя нами рукописи мы относимъ къ 1815 г.; издатели же сочиненій Пушкина—къ 1816 г.; между тѣмъ въ „Памятной книжкѣ Александровскаго лиція за 1886 г. стр. 33, указанъ гувернеръ Пконниковъ служащимъ въ Лицеѣ 1811—1812 г., а Пушкинъ въ своей замѣткѣ говоритъ: „Вчера провелъ я вечеръ съ Пконниковымъ...“ Въ какомъ же именно году?

²⁾ 7-ой листъ рукописи.

³⁾ Въ печати „такое“.

⁴⁾ Соч. Пушкина, V, 2,

нѣмцамъ говорить дерзкія свои стихи и растянулъ на три дѣйствія двѣ или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ *Казакъ* стихотворецъ въ немъ есть шастливыя *слова*, пѣсни замысловатыя—но нѣтъ даже и тѣни ни завязки, ни развязки. — *Маруся* занимаетъ, всѣ прочія холодны и скучны.

Неговорю о Встрѣчѣ незванныхъ—пустомъ представленіи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму *Шубы и всѣ дрожатъ*.

Наконецъ онъ написалъ *Кокетку*.

И наконецъ написалъ онъ комедію — Хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіе 3 первыхъ дѣйствій холодную и скучную и безъ завязки, но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. Князь Холмскій, лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, надутый педантъ - и въ Липецкѣ пріѣзжаетъ только для того, чтобы пошептать на ухо своей теткѣ въ концѣ 5-го дѣйствія ¹⁾).

Извѣстно, что Пушкинъ съ выходомъ въ свѣтъ его первыхъ произведеній уже принять былъ въ кружокъ „Арзамаса“ ²⁾, шедшаго противъ направленія „солиднаго“ Общества Вѣсѣды, извѣстнаго „своею важностью“, рутиной въ литературѣ и въ то же время „особой торжественностью“ своихъ засѣданій! „Арзамасцы“ же отличались быстротой, бойкостью, остроуміемъ и мѣткостью своихъ сужденій и передавали строгой оцѣнкѣ и насмѣшкамъ произведенія членовъ „Вѣсѣды“, обращая при этомъ вниманіе на правильность выраженій, вѣрность образовъ и выборъ предметовъ. Вотъ почему и Пушкинъ, какъ членъ „Арзамаса“, критиковалъ труды князя Шаховскаго.

Но въ качествѣ критика, онъ старался быть справедливымъ, находясь подъ вліяніемъ П. К. Катенина, который въ томъ же году возилъ Пушкина къ князю Шаховскому.

¹⁾ Приведенныя 7 листовъ записокъ Пушкина помѣчены цифрами 24; второй листъ не помѣченъ, на остальныхъ же листахъ цифры 25, 26, 27, 28 и 29.

²⁾ Пушкинъ получилъ прозвище „Сверчокъ“ и подъ этимъ именемъ первый разъ появились въ Сынѣ Отечества его стихи „Мыслитель“ въ 1881.

II.

Въ 1824—1826 годахъ, живя въ уединеніи села Михайловскаго, опальный молодой поэтъ съ увлеченіемъ набрасывался на имѣвшіяся у него въ рукахъ книги. Читалъ онъ обыкновенно съ карандашемъ или перомъ въ рукахъ, дѣлалъ на поляхъ книгъ летучія замѣтки, о болѣе же важныхъ сочиненіяхъ набрасывалъ на особыхъ лоскуткахъ или листкахъ цѣлыя критическія записки.

За это время онъ успѣлъ прочесть Римскую Исторію Тацита и въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу ¹⁾ уже высказываетъ то убѣжденіе, къ которому приводилъ его историкъ: „чѣмъ болѣе читаю Тацита“, говоритъ Пушкинъ, „тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности“.

Въ запискѣ же (черновой) о народномъ воспитаніи, представленной императору Николаю Павловичу, онъ считаетъ Тацита „великимъ сатирическимъ писателемъ впрочемъ... исполненнымъ Латинскихъ предразсудковъ“ ²⁾.

§ 1.

[I] Тиберій былъ въ Имперіи когда получилъ извѣстіе (объ смерти) о болѣзни пресгарфага Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое злодѣяніе его ³⁾ (замѣчаетъ Т[ацитъ]) было умерщвленіе Постумы⁴⁾ Агрипины, внука Августова; если въ самодержавномъ правленіи убійство ⁵⁾ можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агр[иппа] родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковыя люди ⁶⁾, всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно гов[орить] Т[ацитъ], Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его.

[II] Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія—Тиберій позволилъ сіе съ *насти швей скром-*

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, VII, 140.

²⁾ Тамъ же, V, 47.

³⁾ Въ печати „его злодѣяніе“.

⁴⁾ Въ печати „Постума“.

⁵⁾ Въ печати „убійство политическое.“

⁶⁾ Въ печати „лица“.

ностью. Тиберій] никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда будто бы негодовалъ на оную, но и сіе уже въ послѣдствіи.

Въ началѣ ¹⁾ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ казался ²⁾ онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

[III] Августъ вторично испрашиваеъ для Тиберія трибунства точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ ³⁾ наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника. Въ своемъ завѣщаніи (могъ ли точно ли) онъ изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простирающейся (заключавшейся) тогда отъ — до —?

[IV] 52. Тиберій] не могъ доволенъ быть ⁴⁾ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легионовъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ (даетъ имъ отставку) время службы, допускаетъ ⁵⁾ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятели при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько ⁶⁾ явныхъ ошибокъ.

Тиберій] въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями ⁷⁾. меньше хвалилъ ⁸⁾ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Щастливья обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много (болѣе) благоразумія, не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворяетъ ⁹⁾ порядокъ.

[V] 35. Германикъ тщетно стараясь усмирить бунтъ легионовъ, (обнажилъ мечъ и) хотѣлъ заколоться въ глазахъ во-

1) Въ печати „Вначаль“.

2) Въ Печати „кажется“.

3) Въ печати „онъ“.

4) Въ печати „быть доволенъ“.

5) Въ печати „допускаетъ“.

6) Въ печати „столь“.

7) Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

8) Въ печати „онъ“.

9) Въ печати „водворилъ“.

иновъ Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подаль ему свой мечъ говоря: *онъ вострѣе*. Это показалось (гов. Т.) слишкомъ злобно и жестоко самымъ простымъ мятежникамъ. По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка но самоубійство такъ же было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Британикъ отказаться отъ сего предложенія, когда бы прочіе не воспротивились. (Мы видимъ что).

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди. (Не въ силахъ будучи рѣшиться). Мать ¹⁾ ее не удерживаетъ. ²⁾ Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ, рѣшившейся послѣдовать за нимъ. (Неронъ) и проч. Предложеніе война есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

[VI.] 53. Юлія, дочь Августа, славная своимъ распуствомъ и ³⁾ ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи ⁴⁾, въ нищеть, м[ожетъ] б[ыть], но не отъ нищеты ⁵⁾ и голодая, какъ пишетъ Тацитъ. (Не вѣроятно). Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ ⁶⁾.

[VII.] Тиберій отказывается отъ управленія государствомъ, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложить.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предприимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готеріа ⁷⁾ который подвергается опасности быть убиту войнами и спасенъ просьбами Августа и Ливіи ⁸⁾.

Т[иберій] не допускаетъ, что бы Ливія имѣла много почестей и вліянія, - не отъ ⁹⁾ зависти, какъ думаетъ Тацитъ:

¹⁾ Въ печати „груди и мать“.

²⁾ Въ печати „не останавливаетъ“.

³⁾ Въ печати „извѣстная ссылкой“.

⁴⁾ Въ печати „въ изгнаніи и въ нищеть“.

⁵⁾ Въ печати „нищенства“.

⁶⁾ Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

⁷⁾ Въ печати „Гоноріа“.

⁸⁾ Въ печати „они спасены просьбами Августа и Ливіи“.

⁹⁾ Въ печати „не изъ“.

но¹⁾ увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ (12).

[VIII]. Первое дѣйствіе Тиб[еріевой] власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, — слѣдств[енно] и до в е р ш е н і е уничтоженія ²⁾ республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается. — (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ). —

Сличая приведенныя здѣсь толкованія на Тацита съ вошедшими въ изданія сочиненій Пушкина „Замѣчаніями на Анналы Тацита“ ³⁾ и провѣривъ эти толкованія съ „Матеріалами“ Анненкова, т. е. съ имѣвшимися у него выписками, которыя заключаются „въ нѣсколькихъ отрывочныхъ запискахъ“ объ императорѣ Тиберіѣ ⁴⁾, находимъ смѣшеніе рукописей: издатели, не признавая нужнымъ сдѣлать въ примѣчаніяхъ какія-либо объясненія, приводятъ читателя къ невозможности рѣшить вопросъ, сгруппированы ли ими самостоятельно въ „замѣчаніяхъ“ разныя отрывочныя свѣдѣнія о Тиберіѣ, или напротивъ, — они какъ бы переданы съ одной рукописи. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ Фондомъ, говорится только, что „первыя 9 замѣтокъ о Тацитѣ даны Анненковымъ въ его „Матеріалахъ“, послѣдняя же заключается въ рукописи Румянцевскаго Музея. Между тѣмъ Анненковъ указываетъ только главы IV, V и VI и приводитъ ихъ, какъ примѣръ „способа веденія исторической полемики“ Пушкинымъ, воспользовавшись для этого „нѣсколькими толкованіями“ и разными „отрывками“ его записокъ. Теперь же становится яснымъ, что приведенныя замѣтки Пушкина о Тиберіѣ представляютъ собою одно цѣлое и заключаются въ 8 главахъ. Девятая замѣтка, касающаяся Вибіа Серена, внесенная Анненковымъ, въ видѣ примѣра одного изъ отрывковъ о пониманіи Пушкинымъ Тиберія, а издателями сочиненій Пушкина вставленная въ „Замѣчанія на Анналы Тацита“, извлечена изъ письма Александра Сергѣевича къ барону А. А. Дельвигу, помѣченнаго „изъ с. Михайловскаго 25 Іюня 1825 г.“ ⁵⁾, и заключаетъ въ себѣ кос-

1) Въ печати „онъ не увеличиваетъ“.

2) Въ печати „совершенное уничтоженіе“.

3) Соч. Пушкина V, 33—35.

4) А. С. Пушкинъ. Матер. для его біогр. 161. Соч. А. С. Пушкина. 1, 170—172.

5) Соч. Пушкина. VII, 140. „Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ осужденъ Римскимъ Сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способонъ къ поддержанію жизни. Слова достойны ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“.

венное изображеніе собственной судьбы поэта, какъ высланнаго изъ Петербурга въ отдаленный край Имперіи

Любопытно знать, имѣетъ ли связь 10-я замѣтка Пушкина, говорящая о Тиберіи и Наполеонѣ, съ найденной нами рукописью ¹⁾, т. е. не служитъ ли она продолженіемъ этой рукописи, и какими источниками воспользовались издатели сочиненій Пушкина, цитируя 1, 2, 3, 7 и 8 главы о Тиберіѣ при ссылкѣ на „Матеріалы“ Анненкова, гдѣ вовсе таковыхъ не встрѣчаемъ.

III.

Лѣто 1826 г. было знойное, палящія лучи солнца отнимали энергію къ труду; но въ душѣ поэта таилось предчувствіе, что скоро наступятъ дни свободы; эти лучи надежды придавали ему силу и бодрость. Кромѣ занятій „Евгеніемъ Онѣгинимъ“ и „Борисомъ Годуновымъ“, онъ посвящалъ время и для созданія другихъ произведеній. Такъ, изъ письма къ барону Дельвигу мы узнаемъ, что Пушкинъ отправилъ къ нему, кромѣ отрывковъ изъ „Онѣгина“ и „Бориса Годунова“, еще давно обѣщанную „элегію“, для напечатанія въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ ²⁾. Помѣчена эта элегія „29 Іюля“ и входитъ въ кругъ произведеній, имѣющихъ между собою общесвязующимъ звѣномъ сердечныя воспоминанія прошлаго. Мы говоримъ про пьесы: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ (элегія 1823 г.), „Ненастный день потухъ ненастной ночи мгла“ (1823 г.), „Ночь“ (1823 г.), „Заклинаніе“ (1830 г.) и „Для береговъ странъ далекой“ (1830 г.).

Найденная нами рукопись элегія „Подъ небомъ голубымъ страны, страны своей родной“, читается такъ ³⁾:

29 Іюля 1826 г.

Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей

¹⁾ Найденныя нами рукописи заключаются въ трехъ четверткахъ листа сѣрватой бумаги, слегка пожелтѣвшихъ и сложенныхъ пополамъ. Написаны они перомъ, но строки чрезвычайно блѣдны, какъ выцвѣтшія отъ времени, и помѣчены въ III-мъ Отдѣленіи цифрами: 60, 62 и 61. Цифры 52, 35 и 53, по всѣмъ вѣроятіямъ, обозначаютъ страницы книги Тацита.

²⁾ Соч. А. С. Пушкина, VII, 194.

³⁾ Элегія эта написана чрезвычайно блѣдными чернилами на четверткѣ листа сѣрватаго цвѣта, пожелтѣвшей отъ времени; помѣчена цифрой 48; на оборотѣ того листа Пушкинъ написалъ карандашомъ перечень своихъ драматическихъ произведеній, а именно: „Скупой“, „Ромуль и Ремъ“, „Моцартъ и Сальери“, „Донъ-Жуанъ“, „Исусъ“, „Беральдъ Савойскій“, „Павель I-й“, „Влюбленный Бѣсъ“, „Дмитрій и Марта“, „Курбскій“. Эти же заглавія, для ясности, переписаны Анненковымъ, такъ какъ написанное Пушкинымъ едва возможно разобрать.

Она томилась, увядала;
 Увяла наконецъ; и вѣрно (быть можетъ) надо мной
 Младая тѣнь уже летала.
 Но недоступная черта межъ нами есть,
 Напрасно чувство возбуждалъ я:
 Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я.
 Такъ вотъ кого любилъ я бурною душою
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою пламенной томительной тоской,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
 Гдѣ мука, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
 Для бѣдной (милой) легковѣрной тѣни.
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней,
 Не нахожу ни слезъ, ни пени.

29 Юля 1826 г.

Усл. о см. 25

У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Относительно приведенной элегіи Анненковъ говорить: „пѣса эта замѣчательна тѣмъ, что первый стихъ ея читается въ рукописи „Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей“. Это былъ, такъ сказать, настоящій стихъ, ближе выразившій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ рѣшмы въ соотвѣтствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ пѣсы“.

Помѣтки слѣдуетъ читать: „услышалъ о смерти 25 (Юля 1826 г., г. Ризничъ)“. „Услышалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 Юля.“ Они казнены 13-го Въ другой замѣткѣ эти заглавныя буквы сопровождаются припиской: „Видѣлъ во снѣ“.

Около того же времени Пушкинъ два раза набросалъ среди своихъ черновыхъ стихотвореній рисунокъ, который мы находимъ во многихъ изданіяхъ его сочиненій. Изображаетъ онъ крѣпостной валъ, ворота и висѣлицу съ пятью повѣшанными, приписавъ въ первый разъ: „И я бы...“ и во второй: „И я могъ тутъ на ...“ *).

*) Соч. А. С. Пушкина, II, 2,

IV.

Въ Августѣ 1830 г. Пушкинъ отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ родовое имѣніе своего отца, село Болдино. Говоръ о холерѣ, появившейся тогда въ Россіи впервые, наводилъ всеобщее уныніе и страхъ. Приѣхавъ въ деревню, Пушкинъ очутился отрѣзаннымъ отъ міра; его отдѣлили отъ Нижняго и столицы карантинъ. Отъ этого времени сохранилась замѣтка Пушкина, подлинникъ которой написанъ карандашомъ, на сложенныхъ пополамъ трехъ полулисткахъ сѣроватаго цвѣта, пожелтѣвшихъ отъ времени, одинъ полулистъ съ золотымъ обрѣзкомъ; мѣстами строки стерлись, и ихъ едва возможно разобрать; помѣчены же они цифрами: 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

Въ концѣ 1826 г. я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ—(нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія гряды (настоящую войну).—Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всѣмъ затвержденное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: холера—*morbus* подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. (Надобно вамъ знать, что).

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдаванская княгиня, набѣлненная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его спрашивать, студентъ объяснилъ мнѣ ¹⁾, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей, но и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) ²⁾ полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ,—что по мнѣнію нѣкоторыхъ, она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ—и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

¹⁾ Нѣсколько безсвязныхъ словъ зачеркнуто.

²⁾ Въ печати „жельзной полосой“.

Такимъ образомъ въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга вѣроятно одни во всей Россіи бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслию всей Европы. (Какъ послѣ того не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ; домашнія обстоятельства требовали непремѣннаго моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской¹⁾ г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской--(о Москвѣ мы еще не беспокоились)—. Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами.

(Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ (эпической) диѳирамбу.—Пріятели у коихъ дѣла были въ порядкѣ—(или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно) , упрекали²⁾ меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбросавъ половину³⁾ своихъ товаровъ, не успѣвъ пересчитать свои барыши!

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ съ досадою и большою неохотою.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантинны (народъ ропщетъ не понимая строгой необходимости и предпочитая

¹⁾ Въ печати „Астрахани“

²⁾ Два слова зачеркнуты: не разборчиво

³⁾ Въ печати „въ половину свои товары“

зло неизвѣстности и загадочное-непревычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣпые). Я занялся моими дѣлами перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ѣздя по сосѣдамъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и беспокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 Октября) я получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. (Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю¹⁾. Страхъ меня пронялъ — въ Москвѣ... но объ этомъ когда нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхалъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ ящикъ мой останавливается: застава! Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ спрашивать ихъ (вывѣдать о карантинѣ о начальникѣ) ни они, ни я хорошенько не понимали зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать¹⁾). Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня такъ завтра на него наѣду, и (вынести положенный срокъ) въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мною согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

Нѣтъ сомнѣній, что записка эта касается той именно поѣздки изъ Болдина въ Москву, которая не увѣчалась успѣхомъ, т. е. Пушкинъ возвратился въ деревню. Подтверженіемъ сказаннаго служатъ нѣкоторыя его письма²⁾, а также, между прочимъ, и замѣчательное его стихотвореніе „Герой“³⁾; всѣ онѣ помѣчены „д. Болдино“ — „Октябрь“, „Ноябрь“ и „Декабрь“; въ Нижнемъ же онъ былъ до закрытія ярмарки, оттуда не пропустилъ его въ Москву карантинъ Далѣе въ этой замѣткѣ бросается въ глаза указаніе годовъ. Пушкинъ пишетъ „въ концѣ 1826 г я часто видался съ однимъ Дерптскимъ студентомъ“ и мы съ нимъ разсуждали тогда о холерѣ; „и бесѣдовали мы о такомъ бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ, сдѣлалось мыслию всей Европы.“ „Спустя 5 лѣтъ,“ продолжаетъ онъ, „я

¹⁾ Въ печати „И.“

²⁾ Первое письмо изъ Москвы 9 Декабря. Тамъ же, т. VII, стр. 251, № 261; по слѣднее письмо изъ деревни 2 Декабря, т. VII, стр. 250 № 260.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 121.

былъ въ Москвѣ.“ Когда же пріѣхалъ Александръ Сергѣевичъ изъ Болдина въ Москву и когда писалъ онъ приведенную замѣтку?

Онъ пріѣхалъ въ Декабрѣ 1830 г., когда холера уже гуляла по разнымъ губерніямъ, но описаніе хода эпидеміи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, конечно не было извѣстно публикѣ.

Пріѣхавъ въ Москву, Пушкинъ не могъ свободно располагать собою, такъ какъ оставалось не много времени до свадьбы, и онъ за эти мѣсяцы почти ничего не писалъ. Холера же тогда достигла своего полного развитія и сообщенія о такомъ бѣдствіи пришли изъ отдаленнѣйшихъ угловъ Россіи; для медицины и печати были ясны разнообразнѣйшіе фазисы холеры, о ней разсуждали во всѣхъ слояхъ общества, тогда она уже „сдѣлалась мыслию всей Европы“ Это былъ 1831 г. Противъ такого заключенія врядъ ли возможно спорить; между тѣмъ, издатели сочиненій Пушкина произвольно замѣнили на запискѣ Пушкина 1826-й годъ 1825-мъ, хотя и говорятъ, что эта замѣтка о холерѣ написана, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣе 1831 г.; Анненковъ же въ своихъ „Матеріалахъ“ относитъ эту замѣтку къ концу 1830 г, имѣя въ виду, что она касается описанія того времени, не замѣняя 1826 года другой цифрой.

Д. Сапожниковъ.